

Мне слышится песня Бернеса

В этом году народному артисту РСФСР, неповторимому исполнителю многих замечательных песен, ставших советской классикой, Марку Бернесу исполнилось бы семьдесят лет. К этой дате издательство «Искусство» выпустило книгу «Марк Бернес» (составитель Л. Бернес-Бодрова), в которую вошли полемические статьи артиста, а также воспоминания о нем друзей и деятелей искусства. Мы публикуем одно из таких воспоминаний — поэта Константина Ваншенкина.

Но тут совершается чудо. И песни тревожат сердца. А это не так-то уж худо для каждого в мире певца.

Да, слышал певцов я немало, У них голоса хороши. Но им никогда не хватало Вот этой вот самой... души.

За яркой эстрадной иронией, Вверх не беря, не звеня, Звучит этот голос негромкий, Веда и волнуя меня.

Мне юность прошедшую видно. В полнеба играет гроза. И, знаешь, нисколько не стыдно, Что вдруг повлажнели глаза.

Через два-три дня Хелемский позвонил мне:

— Знаешь, Марк очень растроган, хочет с тобой познакомиться.

...Это был грустный дом, где он жил с трехлетней дочкой Наташей вдвоем. Она даже посидела с нами недолго, прежде чем идти спать.

Бернес не разочаровал меня при личной встрече, как это нередко бывает с нашими кумирами. Он мне понравился еще больше — своей простотой, естественностью, живостью и точностью суждений.

— Напишите песню, — предложил он мне в тот вечер. — У вас есть дети? Вот и у меня Наташа. Напишите песню о детях, о том, что они — это будущее мы. Подумайте. Будет одна строфа — звоните.

Это было сказочное предложение. Я в ту пору был автором нескольких непопулярных песен. Поэты знают, что это такое. Это когда на какие-то твои стихотворения написана композитором музыка. Песня напечатана, разумеется, с нотами, и, может быть, не один раз, но она не поется. Это не песня. Песня — та, которая звучит по радио, с пластинок, на концерте. А уж если вошел в вагон электрички или отворил вечером окно на улице и там твоя песня — значит, это действительно песня. Другой вопрос, хороша или плоха, но песня.

Забегая вперед, скажу, что я написал о детях нечто весьма банальное и сентиментальное. Бернес зарубил это с присущей ему прямотой, откровенно и быстро. Я был слегка разочарован. Хочу заметить, что для «чистого» поэта написание специально песни — по ряду профессиональных причин, сложившихся привычек и навыков — дело чрезвычайно сложное, а для многих и невозможное. У большинства

слова песни получаются, как правило, гораздо слабее собственно стихов, и мы лишь мечтаем, чтобы наши просто стихотворения были положены на музыку.

Прощаясь в тот вечер, я подарил Бернесу свою книжечку «Весна», втайне слабо надеясь, что он отыщет что-нибудь для песни, а он в ответ вручил мне фотографию, где Наташа, обхватив отца за шею, сидит у него на коленях, и сделал надпись, как все артисты, не на обороте, а прямо по снимку: «Милому дяде Косте в знак нашего знакомства». Я так и ушел, держа карточку в руке и помахивая ею, пока не выскользнула чернила.

С песнями ничего не получалось, но все равно мы очень быстро сблизились, при третьей или четвертой встрече уже говорили друг другу «ты» — по его инициативе, конечно.

Но он не оставлял своей затеи и говорил мне по телефону время от времени: «Слушай, есть грандиозная тема». Или: «Ну когда мы с тобой что-нибудь сделаем?»

В самом конце 1957 года у меня вышел сборник стихов «Волны», в него входило и стихотворение «Поет Марк Бернес». Я сразу привез книжку Марку. Открывалась она стихами без названия с первой строкой «Я люблю тебя, жизнь». Стихи эти были опубликованы в «Комсомольской правде» еще летом 1956 года.

Теперь же Бернес, перечитав сперва свое стихотворение, обратился к началу книги и после первых же четверостиший сказал с воодушевлением:

— Вот это то, что мне нужно! Я это давно ищу! Вот это будет песней!

— Какая же это песня? — усомнился я. — Из этого песни не получится.

Он только отмахнулся: — А, ты ничего не понимаешь! — И начал ходить по комнате, громко читая стихи и вставляя время от времени: — Это то, что мне нужно!

А я, сидя в кресле, смотрел на него, счастливо улыбаясь, но ни секунды не верил, что из этого выйдет толк.

— Только надо сократить, — сказал он строго, — оставить максимум восемь строчек. Максимально! И то много, нужно бы шесть!

В стихотворении было двенадцать четверостиший. Я запротестовал: выбросить половину невозможно.

— Хорошо, пусть останется восемь.

Сокращение, перестановка некоторых оставшихся строчек и замена двух непесенных, по мнению Бернеса, строчек — все это заняло не меньше месяца.

Наконец стихи приняли вид, удовлетворяющий артиста.

Назвал он их «Баллада о жизни». Так песня даже именовалась на первых пластинках, а лишь спустя время как бы уже сама собой получила название по первой строке.

Бернес стал заказывать музыку. Он заказывал ее поочередно нескольким композиторам. Уговор был джентльменский: «Бернес предоставляет стихи, композитор пишет музыку только для Бернеса (если песня отвергается певцом, то и композитор нигде ее не использует).

Мне кажется, что композиторы, так же как и я, с самого начала не верили в возможность появления и удачи песни с такими непесенными словами, они воспринимали этот заказ как некий каприз артиста, их друга, и, когда он отвергал попытки одного за другим, они не слишком обижались.

Однако, остерегаясь, как бы кто-нибудь не пустил замужнюю песню в дело, он в концертах просто читал эти стихи под рояль, под тихую классическую музыку, желая показать, что эта вещь из его личного репертуара.

Однажды Бернес позвонил мне и пригласил меня прослушать еще одного композитора. Я приехал. Вошел незнакомый человек чуть старше меня, назвал незнакомую фамилию, Колмановский. Сел к инструменту и сыграл... нечто эзегическое, медлительное.

— Нет, — сказал Бернес с привычным уже вздохом, — не то, не годится.

А недели через две он позвонил и возбужденно закричал в трубку:

— Написал! Грандиозно! То, что нужно!

— Кто написал?

— Колмановский. Тот самый.

Так появилась песня. Бернес пел ее в каждом своем концерте, за ним влились другие, «голосовые» певцы. Но я еще не верил, что это действительно песня. Даже в книге 1959 года я перепечатал эти стихи в старой редакции (все двенадцать строчек), и лишь в последующих изданиях она уже выходила в песенном варианте, который стал окончательным. А чуть ниже заголовка появилось посвящение — М. Бернесу.

Благодарен я Марку и за то, что он таким образом свел меня с Колмановским. Мы тоже стали друзьями и написали впоследствии немало песен.

Я столь подробно останавливаюсь на истории создания этой песни, чтобы показать, каким еще одним, поистине редкостным даром обладал Марк Бернес, часто становясь как бы соавтором поэта и композитора. Он «организовывал» песню, давал идею, тему, мысль, его заказы — это почти заготовки. Он разыскивал, открывал в книгах стихи будущих песен. Он всегда с удивляющей специалистов точностью угадывал, знал заранее, что будет петься. Если бы не он, не существовало бы таких песен, как «Когда поет далекий друг», «Если бы парни всей земли...», «Москвичи», «Себежка с Малой Бронной», «Я люблю тебя, жизнь», «Хотят ли русские войны», «Я улыбаюсь тебе», «Все еще впереди», и многих других.

Так появилась и ставшая прощальной, как будто специально для этого написанная, высокая и шемщая песня «Журавли» (слова Р. Гамзатова, перевод с аварского Н. Гребнева).

За несколько дней до больницы (он уже не вышел), превозмогая чудовищную боль, Бернес поднялся с постели, поехал на студию грамзаписи и записал последнюю свою песню.

— Как? — не поверил я. — Записал песню?

Он ответил очень тихо: — По моему, получилось...

Кто еще позвонит мне и скажет: «Есть грандиозная тема!» Или: «Ну когда мы что-нибудь сделаем?»

Он спел еще несколько моих песен: «Солдаты», «Я спешу, извините меня», «Тополя» («Там тополя сажали мы с тобой») — музыку всех трех написал Я. Френкель, но это были уже готовые, хотя и ему первому предложенные песни. А именно для него я так ничего и не написал.

Как известно, у Бернеса не было «певческого» голоса. Он не знал нот и не обладал, вопреки мнению многих, тонкой музыкальностью. Но ведь в буквальном смысле покорила слушателей. Каким же образом?

За счет тончайшего художественного вкуса и такта, завидной артистичности, сугубо бернесовского обаяния, за счет самой неповторимости его личности и облика.

Уж он-то знал свою задачу, свой маневр. И он всегда еще помнил о сверхзадаче. Он знал, что ему нужно, потому что он знал то, что нужно людям.

Удивительно, в течение многих лет обладающие прекрасными голосами певцы и певицы (а такие у нас, разумеется, есть) не пели поистине народную песню «Враги сожгли родную хату». А он, «микрофонный» певец, запел эту великую песню, и народ с живой благодарностью откликнулся на нее.

У него была страстная любовь к технике — к проигрывателям, магнитофонам, приемникам. Все это у него было высшего уровня, соответственно содержалось и работало: он и здесь органически не выносил никаких побрякушек и халтуры. И автомобиль у него всегда был в лучшем виде.

Марк Бернес обладал колоссальным диапазоном признания. Он доставлял одинаковое наслаждение людям различной степени образования, культуры, душевной организации.

Это певец не только того, нашего, воспояного поколения. Помню Дворец спорта в Лужниках. Концерт после съезда комсомола. Он взмывает рукой, и пятнадцать тысяч голосов грохочут вслед за ним: «Парни парни...» — а потом зал долго не отпускает его.

С уходом Бернеса ушло многое. Это потеря из тех, которые навсегда. Когда я в последний раз навещал его дома, он лежал на диване, а, прислоненная к стене, на серванте стояла незнакомая его фотография. Оказалось, что приезжали снять его для «Кругозора», и он поднялся, надел пиджак.

Он смотрел со снимка живыми, пожалуй, даже веселыми глазами.

— Удачный снимок, — сказал я.

— Это последний, — ответил он спокойно и еще пояснил: — Больше не будет.

— Да брось ты глупости! — возмутился я и произнес еще какие-то слова.

Он промолчал: он знал лучше.

О безнадежно больных говорят: «Он приговорен». Но ведь этот приговор неправый. У нас существуют Госфильмофонд и фонд Всесоюзного радио. Находящиеся там киноленты или магнитофонные ленты должны, по замыслу, храниться вечно. Однако хранятся в фонде само по себе еще не предполагает защиты от забвения. Выносятся на свет, в жизнь далеко не все!

Мы еще не раз увидим его изображенные и услышим его голос. Но, увы, мы увидим и услышим лишь то, что уже видели и слышали.

И коротко дополнен. Уже после того, как были написаны эти воспоминания, у меня появилось еще одно небольшое стихотворение с обозначенным двумя буквами посвящением:

М. Б.
В покое кунцевской больницы
Ты трудно спал на силоне дня.
Вдруг слабо дрогнули ресницы,
Ты ясно глянул на меня
— А, здравствуй... — вымолвил устало,
Вновь погружаясь в сумрак свой.
Где колебалась, трепетала
Жизнь на отметке нулевой.